

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (В.П. Булдаков):

У меня два вопроса. Первый: как Вы определите жанр своего доклада? На мой взгляд, это очень любопытный литературный продукт. Второй вопрос: всем известно, что «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», но как Вы считаете, может ли вот этот самый текст быть усвоен адекватно? Кем он может быть усвоен адекватно? Какие из этого могут последовать стратегические решения? Кому этот текст адресован? Это при том, что для меня этот текст был чрезвычайно интересен, очень любопытен. После этого текста возвращаться к каким-то другим текстам мне было как-то скучно.

Ответ:

Владимир Прохорович, на самом деле я слышу один вопрос, и вопрос актуальный. Он касается форм и способов трансляции новизны. А вот ответ мой будет состоять из двух частей.

Многое, конечно, осталось за рамками и выступления (хотя бы в силу регламента), и материалов к докладу. Одна из значимых тенденций в современном мире — расширение и усложнение информационного пространства. А одна из серьезных проблем — способы его организации и освоения.

Тут прежде всего приходят на ум Интернет, информационное общество, дигитальная экономика и культура, фокусирование социального пространства при помощи СМИ... Однако я имею в виду нечто другое.

Позволю себе следующее рассуждение. До какого-то момента профессионалом считался человек, который усваивал весь корпус специальных знаний и способный учесть весь спектр профессиональных точек зрения по избранной теме.

Это являлось своего рода входным билетом в профессиональное сообщество. Я осмелюсь утверждать, что в современном мире подобное положение вещей становится невозможным в сфере социальных наук. Реально усваивается только тот или иной ее сегмент. Речь идет о серьезной проблеме, заключающейся в том, что поле знания приближается к моменту своеобразного Большого взрыва — информационной сингулярности: бесконечности релевантной информации по той или иной теме.

Как сейчас работают аналитические службы? Они отделяют релевантную информацию от нерелевантной. Важная релевантная информация поступает для принятия стратегических решений, иная — отсеивается. Но тут возникают две проблемы: что считать релевантной информацией, и кто, и по каким критериям осуществляет отсев? И что считать нерелевантной информацией? А кроме того, объем информационного поля оказывается не сопоставим с возможностями человека по освоению полного объема информации, повторю, релевантной информации, важной информации. В связи с чем и структура интеллектуальных текстов в социо-гуманитарной сфере, видимо, подвергнется радикальному преобразованию.

Что представлял собой разосланный материал? Это, скорее, некоторый контекст, поле для размышления, рефлексии, а не привычный формат доклада. Проблема заключается в том, как нам выстраивать аналитическую, профессиональную, исследовательскую работу в условиях новой ситуации. Как транслировать результаты работы. Это серьезная проблема, поскольку она, по-видимому, требует иной организации текстов и форм обмена ими.

Вопрос (Г.Б. Клейнер):

У меня как раз два вопроса по отношению к докладу. Я, может быть, пропустил, но мне хотелось, чтобы Вы хотя бы кратко остановились на третьей части заявленной структуры — что такое постмодерн? И то, что Вы не обещали, но

все-таки упомянули, хотелось бы понять это более полно: что такое новая рациональность? В том ли это смысле, что это иной способ принятия решений в отличие от рациональных решений? Или в каком-нибудь ином?

Ответ:

Георгий Борисович, если позволите, я буду отвечать в обратном порядке.

Новая рациональность — понятие, которое возникло как практическая задача интеллектуальной рефлексии и одновременно — методологии знания примерно лет 50 назад. Я бы назвал здесь Теодора Адорно с его «Негативной диалектикой», где прямо была поставлена задача создания новой рациональности.

На протяжении XX в. происходит стремительное развитие методологии социального знания, подходов к анализу социальной практики. Замечу, параллельно со стремительным усложнением последней.

На мой взгляд, за последние 60–70 лет мы прошли пять-шесть ступеней, развивая методологию социального знания и действия. Какие именно?

Во-первых, это «исследование операций», получившее развитие в ходе Второй мировой войны, т. е. определенная форма организации социо-гуманитарного знания с целью его использования. Кстати, потом на этой основе был создан такой продукт, как кибернетика. Следующая фаза процесса — создание системного анализа. Если в первом случае в качестве знаковой фигуры можно вспомнить Норберта Винера, то во втором — Людвиг фон Бергталланфи. Затем получает развитие системная динамика Джея Форрестера, использованная, к примеру, в знаменитом прогнозе Римского клуба о пределах роста. Все три методологии так или иначе базируются на принципе системного подхода.

В последней трети прошлого века развивается новое направление, связанное со сложными и сверхсложными сис-

темами — методология познания и действия, основанная на восприятии космоса людей как *бурлящей реальности* — динамичной, адаптивной и нелинейной системы, что заставляет пересмотреть ряд прежних категорий и принципов.

Завоевывает признание взгляд на планетарное сообщество, как на *новый мировой беспорядок* — диффузный мир, субстанцию многоаспектную, энергичную, чрезвычайно подвижную, подчас турбулентную. В социальном проектировании утверждается принцип самоорганизованной критичности, согласно которому поведение сложной и сверхсложной системы — такой, скажем, как погода, финансы или траектория современного общества, — связано с возможностью пересечения ею предельных состояний и вероятностью лавинообразных следствий.

Сейчас нет возможности подробно останавливаться на этом (сошлюсь на свое интервью «Мир Индиго», опубликованное в интернет-журнале «Интеллектуальная Россия»), проведу лишь аналогию с революцией в физике — рождение квантовой физики, когда вполне рациональные построения пришли в полное противоречие с рациональностью человеческого сознания, Попросту говоря, оказались непредставимыми. Мы не можем представить материю одновременно как частицу и волну, или о некоем объекте мы в принципе можем сказать либо где он находится, либо в какой момент, но не можем констатировать то и другое и т. д. С точки зрения линейной рациональности, которая проистекает от Аристотелевой логики, это вещи невозможные. С точки зрения современного интеллектуального аппарата, в том числе математики — это устройство реального мира.

И наконец, самое интересное. В последнее время формируется направление, которое не имеет четкого обозначения, я обозначаю его как синергичная методология познания и действия, которая начинает использовать также метафизические понятия, но в рациональном ключе. Так я кратко бы ответил на вопрос о новой рациональности.

Теперь вопрос о постсовременности. Постсовременность находится в становлении. И как всякое понятие, которое обозначается с помощью частиц пост-, мета-, анти-, нео-, транс-, постсовременность определенно говорит только об одном: что социальная вселенная переходит в новое состояние, не соответствующее критериям, по которым мы судили о ней прежде. Она перестает быть *современной* в смысле *modernity*...

Можем ли мы сказать что-то определенное об этом новом ее состоянии? Повторю отчасти некоторые положения из доклада. Для меня важным является простой тезис: количество людей на планете существенно возросло. Причем в этом человеческом океане большое число образованных, энергичных, амбициозных личностей, придерживающихся различных мировоззрений и снабженных тем инструментарием, который создала для них современность, создала индустриальная цивилизация.

Это динамичное сообщество оказывается все менее связанным с территориальными, географическими координатами, что ломает всю прежнюю систему социальной и политической институализации. Еще более — институализации экономической и финансовой. Последнее, кажется, вполне уже очевидно.

Что появляется? Появляются сообщества самых разных пропорций, самого разного масштаба. Выстраивается своеобразный «глобальный пентхауз» — деятельная оболочка планеты со своей собственной гравитацией и мультиполярностью. Постсовременность, как мне представляется — это не разросшийся до размеров национальной территории мегаполис, но трансгеографическая реальность, все более и более отсоединяющаяся от прежней территориальной политической манифестации. В профессиональной литературе уже появилось своеобразное разделение жителей Земли на «локалов» и «транснационалов». Это достаточно серьезная проблема. Скажем, такой *кейс*: вызовом прежним кодам со-

циализации могут стать последствия вступления России в ВТО, когда деятельные субъекты могут переосмыслить основы своей лояльности: коренятся они в отраслевой среде или гражданской? Здесь возможны серьезные подвижки.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Александр Иванович, хотелось бы уточнить Вашу позицию в вопросе о национальном государстве. Вы знаете, что статистика, взятая за XX в., показывает явный тренд повышения доли государственных расходов в ВВП. Как это согласуется с тезисом о кризисе национальных государств? Может быть, более оправдано говорить о смене управленческих механизмов государств, о чем, собственно, в одном из последних трудов говорилось у того же Фукуямы. Спасибо.

Ответ:

Вардан Эрнестович, в прошлом веке, кажется, протекал интересный процесс, который носил по-своему парадоксальный характер. Действительно, число национальных государств в течение XX века стремительно, чуть ли не на порядок возрастает. И параллельно происходит мутация социальных объектов, определяемых как национальное государство.

Понятие это на протяжении столетия все более размывается за счет включения в данный класс все более своеобразных персонажей. Начало было положено государственными образованиями, которые появились в результате Первой мировой войны. Вторая, постколониальная волна породила еще более своеобразные государственные образования, подчас имитирующие признаки классического национального государства, но на деле так и не ставших полноценными государственными образованиями, что, кстати, породило к концу века такие определения, как «обанкротившееся» или «несостоявшееся» государства. Или «непризнанные» государства...

Одновременно в рамках глобализации развивается и диверсифицируется процесс субсидиарности, ярко проявившейся в феномене глокализации. Национальные государства при этом не отменяются, не распадаются. Национальное государство не исчезает, однако актуальность данного политического формата размывается и в целом снижается. О новых формах политической организации я более подробно рассуждал в материалах к заседанию, рассматривая генетику таких образований, как страны-системы, различные локальные протосуверены, государства-корпорации и корпорации-государства и т. д.

Думаю, в спорах о судьбах государства в XXI в. зачастую смешиваются понятия государства и национального государства. Национальное государство — историческая форма государственности. И шире — политической организации общества, возникшая, в общем-то, не столь уж давно. Она возникает где-то в XVI–XVII вв., та же Столетняя война начиналась, когда еще не было такого понятия, как национальное государство.

Его генезис обычно связывают с Вестфальским миром, с тем комплексом подвижек, которые обозначили приход эпохи *modernity*. То, что эпоха эта подходит к историческому рубежу, заставляет задумываться, какие формы экономической практики, какие формы политической практики, какие формы культурной практики будут доминировать в новой организации человеческого сообщества.

Вопрос (В.И. Якунин):

Вопрос первый. Говоря о цивилизации, Вы привели две дефиниции и подчеркнули, что их основой является культура. Правильно ли я понимаю, что Вы расширяете понятие культуры, включая туда же религиозные верования, исторические традиции, жизненный уклад и т. д.? Второй вопрос. Правильно ли я понял, что Вы считаете однородными понятиями страна-система Шенген и страна-система ЕС? Озна-

чает ли это, что с таким же успехом можно продолжить эту линейку и сказать страна-система НАТО, например? И третий вопрос. Если я правильно понял, Косово, по Вашему мнению, — это государство-корпорация? Почему тогда на Косово не распространить страну-систему США?

Ответ:

Владимир Иванович, категорией культуры я действительно оперирую именно в таком, широком смысле. И в этом смысле культура и цивилизация — понятия достаточно близкие. Это, кстати, становится очевидным, когда обсуждение одних и тех же проблем происходит на немецком или французском, английском языках: при переводе эти термины начинают «плавать», замещая друг друга, т. е. культура переводится как цивилизация и наоборот.

Рассуждая о цивилизации в этом смысле, мы ведем речь о неких больших организмах, обитающих в том или ином культурно-историческом русле, обладающих культурным ядром и реализующих в качестве определенного стиля социальной практики. Все это мы подчас определяем как цивилизация. Существует также несколько иное сближение понятий культуры и цивилизации, когда культурные различия носят радикальный характер и касаются основ мироустройства. В свое время на меня произвела большое впечатление оценка прошлого в аккадском языке как «дней лица», а будущего как «того, что позади». Иначе говоря, даже такое, казалось бы, устоявшееся понятие, как «стрела времени» не является аксиомой, а всего лишь теорема. Могут быть и существуют радикально иные взгляды на организацию пространства и времени, в соответствии с которыми строится социальная практика и все ее институты.

Относительно второго вопроса: да, страна-система Шенген, равно как и Европейский союз однородные понятия, но находящиеся в определенном иерархическом соотношении: Шенген — это следующая ступень процесса, в то время, как

ЕС — своего рода оболочка. Что касается НАТО это достаточно интересная система (как и сама постановка вопроса), объединяющая черты межгосударственной организации и политического организма, которое имеет тенденцию превратиться в определенную силовую корпорацию, уровень амбиций которой выходит за пределы европейского континента. Думаю, речь идет о новой формуле всего политического текста планеты, где все вышеназванные инновационные образования оказываются частными случаями единого организма.

И если это так, то ответ на Ваш третий вопрос также положительный: Косово — своеобразное государство-корпорация, которое одновременно может действительно оказаться составной частью некой страны-системы. Скажем, в виде площадки размещения — сегмента системы силового регулирования. Вооруженные силы в постсовременном мире — это не учреждение, а специфичное средство эффективной трансляции влияния.

Если взглянуть на проблему шире, то Косово, Афганистан, Ирак окажутся составными частями новой формулы силовой регуляции. Вооруженные силы как часть подобной системы становятся инструментом, которым оперируют не только в случае собственно военных действий, когда четко разграничены понятия войны и мира, но утверждается их промежуточная актуализация, более-менее адекватная ситуации «диффузных войн». Видимо, это следующая генетическая фаза процесса силового регулирования реальности по сравнению с практикой войн слабой интенсивности, когда войска постоянно находятся в состоянии полубоевой активности. При этом решается ряд проблем: отлаживается координация, решается проблема проведения дорогостоящих учений, испытаний нового вооружения и систем ведения боевых действий, политического контроля в том или ином регионе и т. д.

Интересен политический аспект проблемы, потому что на основе Косово мы видим новый тип политического об-

разования, которое носит не вполне суверенный характер и которое может оказаться элементом новой глобальной политической иерархии.

Вопрос (С.Е. Кургинян):

Первый вопрос: вот мы говорим, что modernity подходит к своему рубежу, исчерпывается. В чем рубеж? Ну, ее трясет, эту modernity, но это же не рубеж. У нее там что-то лопается... Но вот у меня кожа лопнула, предположим, но это же не значит, что я умер. Что же у нее исчерпывается? Почему мы ставим ей такой диагноз, а не другой? Я не оспариваю его, просто хочу понять: как построен в этом смысле аппарат? Второй вопрос: как Вы вообще считаете, цивилизация по Тойнби, к которому Вы адресуете, и modernity — это в пределах одного аппарата? Иначе говоря, могут ли быть цивилизации в эпоху modernity? Может ли быть эта цивилизация? Тогда, что в ядре? И все-таки мы все время говорим «социокультурные коды». Айзеншпис назвал их 5 или 7, все-таки цепочка, коды... Что там тогда в ядре?

И третий вопрос: вот мы говорим «цивилизация». Как Вы сами считаете, есть что-то большее, чем цивилизация? Меньшее, чем цивилизация? Этот кирпич мира — единственный? Над ним или под ним что-то построено? Что происходит с кирпичами?

Ответ:

Сергей Ервандович, слушая Ваши вопросы, у меня возник такой образ: заключительные кадры из «Соляриса» Андрея Тарковского, когда мы видим героя, вернувшегося домой, стоящего на пороге родного дома под дождем... Потом камера начинает медленно отодвигаться, и мы видим, что и герой, и дом находятся на островке, расположенном в водах огромного океана.

Пожалуй, для меня здесь содержится синтетический ответ на все три вопроса: о соотношении цивилизации с ины-

ми формулами организации человеческого сообщества, об эпохе Модерна и ее ядре и, в каком то смысле, — о рубеже эпох.

Рубеж мы по привычке воспринимаем линейно: как в некоем голливудском фильме герои подъезжают к надписи «The End» — «Конец». Но рубежность может проявляться и иначе — как трансграничность, как формирование иного, не истребляющее прежнего, но дектуализирующего его, превращающего его в маргинальный сегмент новой системы. В конце концов мы можем поискать на планете и найти самые различные типы социальной организации, включая весьма экзотические, наподобие, скажем, культур индейцев Амазонки.

Цивилизация *modernity* вошла в системный кризис в XX в. сразу по нескольким направлениям — политическому, экономическому, культурному...

С.Е. Кургинян:

Я понимаю, что цивилизация находится в кризисе. Я спрашиваю: где грань между кризисом и исчерпанием? Я спросил о том, все ли это? А если это просто кризис, то она его преодолеет. Про кризис мне лично абсолютно все ясно — системный, глубокий...

Ответ:

Кризис, как мы слышали, в китайском языке обозначается иероглифом, состоящим из элементов: опасность, т. е. некая турбулентность и возможность выхода из нее в новом качестве. Вопрос, однако, в какое новое состояние? Как его определить?

Культурно-исторический круг Модернити определяется рядом несущих конструкций: его политическая система базируется на принципе политического равенства, представительной демократии, публичной политики, система международных отношений основывается на феномене на-

ционального государства, экономика базируется на промышленном, индустриальном производстве, идеология зиждется на идее прогресса и т. д. Энергии Модерна держались на потенциале городской, гражданской, гражданственной культуры. Но уже в начале XX в. экономика начала взламывать национальные границы, а человек, по словам Арнольда Тойнби, вновь, как и во времена Средневековья, стал осознавать себя частью «более широкого универсума».

В настоящее время феноменология и концептуалистика Модерна подвергаются системной коррозии, мутируют, обретают новые, весьма отличные от первоначальной модели свойства. Кроме того, прежняя конструкция обростаёт новыми формами — оболочкой, постепенно перенимающей на себя львиную долю практики, превращая прежние формы мироустройства в своего рода практикабль.

Что я хочу сказать? Культура *modernity* не столько подвергается прямому разрушению в том смысле, что она исчезает, сколько в том смысле, что она подвергается маргинализации в рамках новой реальности. Процесс этот можно проиллюстрировать в качестве примера динамикой соотношения материальных и нематериальных активов в капитализации предприятия. Начиная приблизительно с 1980-х гг., эта пропорция стремительно смещается в пользу нематериальных активов. Все большую роль играют такие формы капитала, как человеческий, интеллектуальный, символический, социальный, культурный капитал. В ряде корпораций это соотношение может достигать пропорции 10:1 в пользу нематериальных активов, причем в промышленных предприятиях отношение стоимости основных фондов к их рыночной капитализации также может определяться подобной пропорцией. Иначе говоря, стоимость основных фондов равных по капитализации предприятий может различаться на два порядка. Некоторые аналогии этим процессам можно увидеть в политике, где происходит деградация публичной политики и девальвация представительной демократии. О новых формах мировых

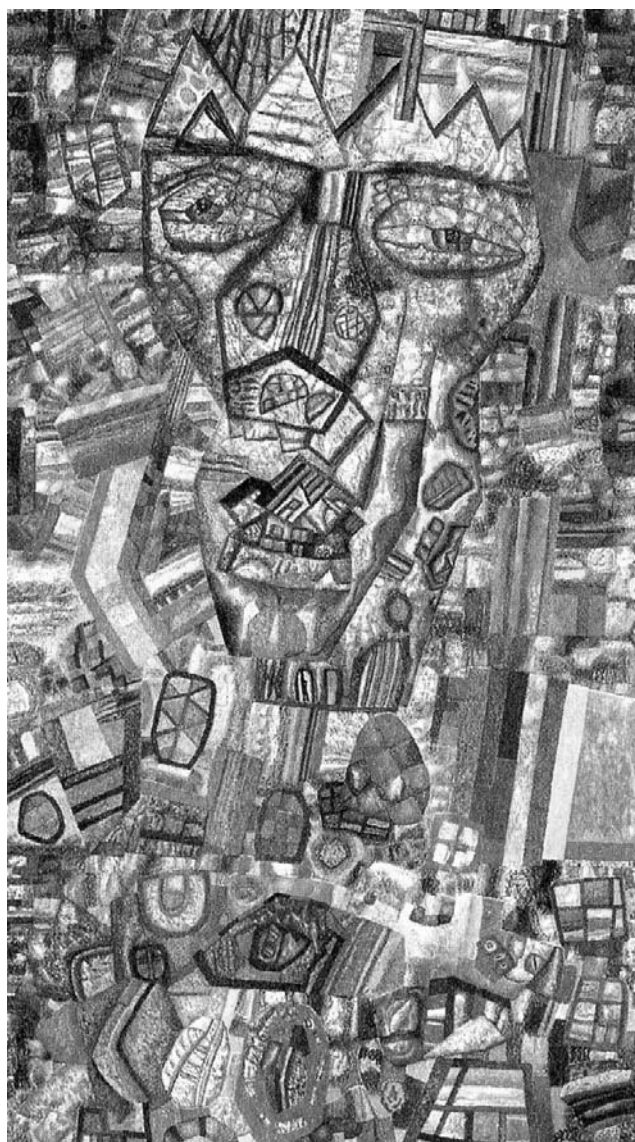
Выпуск № 1 (10)

связей, идущих на смену привычной системе международных отношений, мы уже говорили. Идея перманентного прогресса также оказалась подверженной коррозии.

Что произойдет через некоторое время? Ряд влиятельных субъектов политического действия, все еще играющих по законам цивилизации *modernity* (наподобие Китая или Индии), могут обратиться к собственным культурным кодам. Все больший политический вес могут набирать инновационные политические конструкции, которые мы сегодня уже упоминали, и культурные коды (наподобие «культуры смерти»), о которых, к сожалению, пока не говорили.

В игру вступает новое поколение игроков — амбициозных, мультикультурных, трансграничных. Новые коды определяют пространство не только финансовых или экономических операций, но и сама экономическая, конструктивная ориентация современного мира может оказаться под вопросом. В настоящее время мир подвергается достаточно серьезному переустройству, включающему, по-видимому, определенные формы системной деконструкции.

П. Филонов. Формула империализма. 1925 г.